

ВОСТОК

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

**«ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА -- 1924 г. — ЛЕНИНГРАД**

СТРАНСТВОВАНИЕ СКАЗКИ

Голос из-за могилы говорит нам о том, что Индия дала Западу, послав ему свои сказки. Все еще не разрешенный вопрос о странствовании сказки нашел себе после знаменитого немецкого исследователя Бенфея, книга которого об индийском сборнике рассказов Панчатантра составила эпоху в истории изучения сказки, поборника в лице Э. Коскена, известного как яркого представителя так называемой индийской теории; собрания его монографий вышли недавно, после его смерти во время великой войны.

Уже пятьдесят лет тому назад ¹⁾ Коскен встал всецело на сторону Бенфея, считая, что мир обязан Индии своими сказками и повестями. Этой идее он остался верен всю жизнь, как это видно из напечатанного с богатыми примечаниями сборника сказок и из двух вышедших после его смерти больших сборников статей ²⁾. В какой же мере справедливо это утверждение и в какой мере правильны приемы исследования, к которым прибегает Коскен и последователи индийской теории?

Мы знаем действительно, что через посредство персов и арабов средневековая Европа познакомилась с индийскими сборниками рассказов, что легенда о Будде вошла в обиход того же средневекового Запада, как житие святого царевича Иосафа, пройдя, по всей вероятности, через манихейские круги. Гораздо позже, уже в XVIII веке арабский сборник 1001 ночи, восходящий к персидскому и, может быть затем и к индийскому источнику, пользовался и пользуется громадной популярностью в Европе; мы видим, наконец, что целый ряд рассказов, повестей, сказок, пленявших Запад в средние века и позже, находит себе, несомненно, индийские параллели. Все это факты несомненные, вполне наукою установленные. И столь же несомненно установлен факт давних и долгих сношений Индии с Западом и вообще с соседними странами. И опять также несомненен факт, что с очень ранних пор развивалась в Индии повествовательная литература и получила здесь широкое распространение, достигнув высокой степени совершенства. Дает ли все это нам право утверждать, что родиной сказки является Индия?

¹⁾ *E. Cosquin. Les contes populaires européens et leur origine. Paris 1873. Extrait du Correspondant.*

²⁾ *Его же. Contes populaires de Lorraine comparés avec les contes des autres provinces de la France et des pays étrangers et précédés d'un essai sur l'origine et la propagation des contes populaires européens. Paris 1886.*

Его же. Etudes folkloriques. Recherches sur les migrations des contes populaires et leur point de départ. Paris 1922.

Его же. Les contes indiens et l'Occident. Petites monographies folkloriques à propos de contes maures recueillis à Blida par M. Desparmet. Ouvrage posthume. Paris 1922.

Прежде всего, во избежание всяких недоразумений, мы должны сделать несколько предварительных замечаний общего характера. Под определенную сказкою или рассказом мы разумеем определенное сочетание мотивов, рассказочных единиц, так что определенный рассказ мы можем изобразить формулою $a + b + c + d$ и т. д., при чем каждая такая совокупность носит обыкновенно общепринятое название: «Золушка», «Иван царевич и серый волк», «Конек Горбунок», «Семь Симеонов», «Красная шапочка» и т. д. При этом непременно бывают известные отступления в отдельных мотивах, и формула становится напр: $a + b_1 + c_1 + d_1$ и т. д.; или же являются новые мотивы: $a + f + c + k + d$ и т. д. Если число отступлений не слишком велико и не указывает на принадлежность рассказа к другой теме, то мы в праве считать, что имеем дело только с вариантом одной и той же темы.

Каждая сказка должна считаться произведением того, кто ее пересказал, ибо каждый пересказчик и выбором самой темы, и способом ее изложения совершает творческий акт, вносит свой субъективный элемент; старое представление о каком-то массовом народном творчестве должно быть отброшено.

Необходимо иметь в виду, что далеко не все страны исследованы с точки зрения сказок, при чем для некоторых стран это еще дело поправимое, ибо народная сказка в них еще не вымерла, но для целого ряда других стран уже ничего сделать нельзя, и потому при вопросе о странствовании сказки и ее происхождении мы должны считаться с громадными пробелами, которые позволяют многое решать только гадательно и предположительно. Если при этом принять во внимание, что, в подавляющем большинстве, записи сказок сделаны не научно, при немногих только имеются необходимые сведения о рассказчиках, что, кроме того, старая книжная литература печатная и рукописная по отношению к сказкам и рассказам исследована далеко не полно, то ясно, как осторожно мы должны пока делать выводы.

Посмотрим теперь, на чем же строится «индийская» теория. Она берет определенные сказочные темы и указывает, что громадное большинство этих тем встречается и в Индии; раз это так, раз ни одна страна не может выставить такого громадного количества «международных» сказочных тем, как Индия, то надо считать ее родоначальницей сказок, источником, из которого они растекались по всему свету.

Камнем преткновения такому категорическому утверждению является наличность сказок в древнем Египте, в такое время, когда невозможно предположить заимствования из Индии в Египет. Отрицать наличность сказочных мотивов и даже тем, близких к сказочным, в древнем Египте нельзя, но тогда разрушается основная постановка вопроса «индийскою» теориею, которая хочет вести «все» сказки из Индии. Приходится рассмотреть вопрос под другим углом зрения, и тогда индийская теория уже не вызовет такого резкого возражения.

Если поставить вопрос так, что источник весьма многих сказок следует искать в Индии, то против такой постановки вряд ли встретятся возражения. Мы уже видели, как велико количество тех сказок, относительно которых мы имеем прямые указания на то, что они пришли на Запад из Индии. Относительно целого ряда других сказок, мало еще пока исследованных, мы тоже имеем право предположить, что и они проникли из Индии на Запад и в средние века, и может быть даже еще раньше, и несомненно в более позднее время. Но здесь надо в исследовании идти крайне осторожно; мы видим, к сожалению, что последователи индийской теории зачастую забывают, что дело, как указывалось уже и выше, именно должно идти о сказках, о сказочных темах, т. е. более или менее сложных сочетаниях сказочных эпизодов, мотивов, а не об отдельных мотивах, которые совершенно независимо могут возникать в разных странах, повторяясь, вне всякого внешнего влияния. Таков, напр., мотив преследования падчерицы мачехою, говорящие животные, волшебные предметы, обладающие разными чудесными свойствами, воскрешение умерших при помощи разного рода чудес, и т. д.

У горячих последователей индийской теории, как напр. у Коскена, сплошь и рядом проскальзывает сопоставление мотивов, связанных между собою только

внешне и в сущности ничего между собою не имеющих. Правда, делается это обыкновенно с оговорками, но тем не менее сопоставление делается и у менее осторожного читателя вызывает впечатление доказательства связи между двумя совершенно чуждыми темами. Так, напр., Коскен упоминает рядом, хотя и с оговорками, потерю башмака индийского даревпча в индийской сказке с потерю туфли Золушкой, хотя обстоятельства, при которых происходит потеря ничего общего между собою не имеют. Есть и еще один крупный недостаток в исследованиях представителей индийской теории,—это недостаточная выясненность того, какими путями шло и могло идти заимствование одним народом сказок другого в те или иные периоды истории. Это вообще упрек, который зачастую приходится делать исследователям истории литературы. Не выяснены достаточно не только периоды или пути заимствования, но не ясно и то, кто же собственно были передатчики. Правда, мы слышим постоянно повторяемое указание на торговлю и купцов, но для всякого, кто видел в действительности, напр., восточного купца, разъезжающего по разным странам продавать свои товары, подобного рода предположение вызовет к себе самое отрицательное отношение, ибо совершенно невероятно, чтобы такой купец унизил себя в своих глазах до того, чтобы рассказывать сказки! У взрослых людей на Востоке вообще трудно выпытать сказку, если только тот, к кому вы обращаетесь, не рассказчик по профессии; вы услышите резкое отрицание, зачастую вообще отрицание наличия сказок, хотя несомненно, что данное лицо слышало сказки, во всяком случае в детстве, а может быть и потом. Кто же передавал сказки? При современном состоянии исследования сказок на этот вопрос исчерпывающе ответить нельзя, но два класса людей уже сразу ярко выделяются: солдаты и моряки, и те и другие люди бывалые и люди странствовавшие и странствующие не мало. Некоторые исследования, которые мы имеем о сказателях сказок, позволяют нам в известной мере установить типы солдатских и морских сказок, и по этим современным типам мы имеем право заключать и о прежних рассказчиках-передатчиках. Профессиональные рассказчики, столь много сделавшие и делающие для сохранения сказки, чрезвычайно мало сделали для ее распространения. Оно и понятно: профессионал рассказчик обладает обыкновенно специфически национальными чертами, которые делают его любимцем слушателей дома, там, где есть ценители и его манеры рассказывать, и его языка, и отдельных, чисто местных выражений и черт; в чужой стороне их никто не оценит, и профессиональный рассказчик никогда далеко не идет. Такие местные профессионалы существовали, на Востоке по крайней мере, очень давно и принадлежали, в области, напр., благочестивых рассказов, к разным духовным общинам. Так, в старых буддийских сочинениях мы встречаем термин «старец, рассказчик джатак (т. е. рассказов о перерождениях Будды). Такой старец, повидимому, принадлежал своему монастырю и редко странствовал. Мы точно так же знаем, что другие плодотворные рассказчики в Индии—джайны, последователи учения, возникшего раньше буддизма, за пределы Индии не выходили.

Мы видели таким образом, как нелегко пока знать точно и несомненно, кто и как передавал сказки от народа к народу, и в этом и заключается слабость исследований представителей индийской теории, что они не дают нам точных и определенных указаний, за невозможностью их дать при той постановке вопроса, которой держатся они.

Мы теперь подошли к выяснению того, как же должно совершаться исследование взаимоотношений отдельных стран в деле передачи и заимствования сказок для выяснения вопроса о том, где возникли сказки и как они странствовали и странствуют.

Прежде всего необходимо выяснить, какие сказки существуют в отдельных странах, какие темы в них особенно популярны, какие перешли в литературу, какие остались в устной передаче. К сожалению, приходится признать, что в настоящее время эту первую ступень исследования мы знаем еще крайне плохо; как уже было сказано выше, работа по собиранию сказок в громадном большинстве стран сделана неудовлетворительно, и подлежащий обработке материал далеко не всегда надежен. Кроме того, ни для одной страны не сделано еще даже попытки свести

воедино существующие материалы и подготовить их так, чтобы ими свободно мог пользоваться сравнительный исследователь. Нет еще общих характеристик сказок отдельных стран, указаний на местности, где особенно много, и притом хорошо рассказанных, сказок, нет еще и попыток определить, когда примерно в данной стране могла впервые появиться известная сказка. Как ни слабы в настоящее время наши знания по отношению к затронутым здесь вопросам, мы все же имеем некоторую возможность определить круг сказочных тем известных стран и, тщательно подбирая варианты, встречающиеся в тех или других местностях или странах, мы можем начать проследивать движение отдельных сказочных тем. Этим методом, который принято называть историко-географическим и которым с особым успехом пользовались финские ученые, мы начинаем достигать более или менее конкретных результатов, при чем мы далеко не всегда приходим в Индию, как к исходному пункту.

При пользовании историко-географическим методом систематически привлекается очень большой материал, и мы лишней раз убеждаемся, какое существенное и исключительное значение имеет использование массового материала. Только теперь мы можем начать выходить из круга неопределенных постановок вопросов, в общих, а не в строго конкретных формах, из круга, в котором зародилась и индийская теория происхождения сказки.

Мы убеждаемся из этих исследований над массовым материалом, что действительно есть страны, которые создают больше сказок, чем другие, и к этим странам, несомненно, принадлежит и принадлежала Индия. Мы видим, что были периоды в истории, когда, при усилении международных сношений вообще, особенно при войнах, на ряду с другими проявлениями культурной жизни и сказка начинала усиленно странствовать. К сожалению, далеко не всегда нам ясны эти исторические моменты усиления международного обмена, мы еще не умеем вскрывать с достаточной точностью и расчленять отдельные культурные элементы (слова, обычаи, идеи) духовные или материальные (предметы обихода, названия должностей и т. п.), которые упоминаются в передававшихся литературно или устно сказках. Мы не умеем еще настоящим образом понять язык наших источников, который, конечно, станет понятным нашим приемникам. Перед ними стоят заманчивые задачи, нам пока недоступные еще, при недостаточной точности наших методов работы: у нас хватает знаний, чтобы успешно критиковать применяемые ныне методы, и потому нетрудно было показать те ограничения, с которыми надо принимать индийскую теорию странствования сказки, но не хватает у нас еще знаний, чтобы работать с тою точностью, с которою работают наши товарищи естественники. Между тем, к несчастью, сейчас именно наблюдается сильное ослабление гуманитарных изучений; с удивительной близорукостью наши современники и на Западе, и у нас не хотят или не могут сознать, как важно именно изучение человека, которого мы знаем неизмеримо хуже, чем камни, растения, животных.

Боюсь, мало кто в наши дни почти повального увлечения техникой или естествознанием, сознает, что вопрос о странствовании сказки и о значении Индии в деле создания сказки и передачи ее на Запад не есть вопрос отвлеченного любопытства, а одно из тех звеньев, которые связывают народы, заставляют их лучше понимать друг друга, интересоваться взаимно жизнью и культурой и ведут к тому настоящему объединению, к которому без настоящего, научного, а не любительски обиходного понимания, человека нет путей.

Индийская теория происхождения сказки не выдержала конечного испытания, на ее место явилась другая теория, знающая и иные центры происхождения сказки, чем Индию, но индийская теория своею цельностью и определенностью несомненно помогла нам подойти ближе к правильному решению важного культурного вопроса.

Сергей Ольденбург

